

А. Торпусман

ВОКРУГ «КИЕВСКОГО ПИСЬМА»: К 35-ЛЕТИЮ ОПУБЛИКОВАНИЯ ДОКУМЕНТА. ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ¹

I. ОТКРЫТИЕ И ПУБЛИКАЦИЯ

Более полувека назад, в 1962 г., гебраист Норман Голб (Norman Golb), профессор Чикагского университета, обнаружил в библиотеке Кембриджского университета, в коллекции еврейских манускриптов из Каирской генизы² (доставлена в библиотеку в 1896 г.), документ, впоследствии названный Киевским письмом. Документ представляет собой лист тонкого пергаментя размером 22,5 на 14,4 см.

Подобно многим другим письмам из хранилища, он несет следы складывания для транспортировки – семь вертикальных складок и одну горизонтальную в середине страницы. На внутренней

¹ Выражаю глубокую благодарность Александру Бейдеру (Париж), Питеру Голдену (Уэст Уиндзор), Людмиле Евстифеевой (Москва), Игорю Крупнику (Вашингтон), Олегу Мудраку (Москва), Рахели Торпусман (Иерусалим), Артему Федорчуку (Кфар-Эльдад) и Михаилу Членову (Москва), ознакомившимся с ранними вариантами этой работы и сделавшим ценные замечания.

² *Гениза* – место хранения ставших ненужными или неактуальными текстов, содержащих имя или эпитет Бога (их уничтожение запрещено иудейскими религиозными нормами). Каирская гениза – крупнейший архив средневекового еврейства, сохранившийся в синагоге г. Фустат (ныне в пределах Каира).

стороне пергамента – текст, написанный пером на иврите, кое-где стертый, но в целом очень хорошо сохранившийся. (Киевское письмо – один из самых старых документов генизы.) Слева, в последней строке письма, – слово, написанное кисточкой неизвестным руническим письмом.

Текст представляет жанр, типичный для Каирской генизы: рекомендательное письмо некоей еврейской общины другим общинам с просьбой помочь предьявителю письма Якову бен рабби Ханука расплатиться с долгом иноверцам. Собственно говоря, должником был брат предьявителя, ограбленный разбойниками и убитый, а сам он был гарантом брата. Из-за этого долга Яков оказался в узилище («наложили железные цепи на его руки и кандалы на его ноги»), но через год был отпущен под гарантию общины, уплатившей часть долга (60 *закуков* – не вполне понятная денежная единица), однако 40 *закуков* ему предстоит еще собрать. Письмо на изысканном иврите содержит красноречивые призывы к благотворительности и завершается списком членов общины, подписавших его. Письмо, включая 10 первых подписей, выполнено одним почерком, 11-я подпись сделана другой рукой (руническая приписка – третьей).

Исследователь обратил внимание на имена (личные имена и патронимы – «отчества») подписавших документ. Большая часть их – нормативные еврейские: Авраам, Ицхак, Иеһуда, Моше и др. (от одного из них сохранилось только окончание *-эль* – Исразэль? Даниэль? и т. п.), три имени редких: Шимшон, Ханука, Синай. Но шесть имен оказались явно нееврейскими, и Голб предположил, что некоторые из них – тюркские.

Восьмая строка содержит географическое обозначение общины, по всей видимости, отправившей письмо, – *קהל ש' ויב'... (kahal shel ...uyov)* – ‘община ...иева’. Первая буква названия города приходится на стертость (изгиб) и не может быть прочитана. Голб решил, что стершаяся буква – *куф*, а город – Киев. Все, кто занимался письмом после Голба, с этим согласились. (О двух исключениях будет сказано ниже.)

Учитывая вышеизложенное, исследователь предположил, что письмо относится ко времени, когда Киев платил дань хазарам, и отправлено хазарско-еврейской общиной города. Он поделился своим предположением с тюркологом, профессором Гарвардского университета Омельяном Прицаком (Omeljan Pritsak). Прицак

проанализировал нееврейские имена рукописи и вскоре пришел к выводу, что все они – тюркско-хазарские. Еще через некоторое время тюрколог предложил интересную расшифровку рунического слова как разрешительной резолюции от хазарского чиновника (перевод: «Я читал»).

В марте 1967 г. Голб и Прицак выступили с совместным сообщением об открытии на собрании Американского восточного общества. Однако только в 1982 г. (через 20 лет после открытия) текст Киевского письма был опубликован с подробными и разносторонними комментариями в их книге “*Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*” (Ithaca and London) [Golb, Pritsak, 1982] и подвергся обсуждению мировым ученым сообществом. Русский перевод книги Н. Голба и О. Прицака «Хазарско-еврейские документы X века» (Москва–Иерусалим) [Голб, Прицак, 1997; 2003] вышел с комментариями московского историка проф. В. Я. Петрухина уже двумя изданиями и широко читается – не только учеными³. Настоящий обзор посвящен 35-летию английского издания.

II. ИСТОЛКОВАНИЕ ПИСЬМА Н. ГОЛБОМ И О. ПРИЦАКОМ

Книга «Хазарско-еврейские документы X века» состоит из двух глав (статей): «Киевское письмо – подлинный документ хазарских евреев Киева» и «Текст Шехтера – анонимное хазарское послание Хасдаю ибн Шапруту»⁴. Обе статьи новаторские и представляют значительный прогресс в нескольких областях исторической науки. Следующая тема, ограничусь первой из них.

Статья о Киевском письме состоит из двух разделов, каждый из которых подписан одним автором. Это дает возможность разделить ответственность за отдельные утверждения. Тем не менее авторы согласовали общую концепцию, и можно говорить о едином понимании ими смысла текста Киевского письма, его истории и времени написания.

1. Голб и Прицак полагают, что письмо написано в X в., Прицак предлагает точную датировку – ок. 930 г. [Голб, Прицак, 2003, с. 36, 96].

³ Все ссылки на книгу – по второму русскому изданию: [Голб, Прицак, 2003].

⁴ Хасдай ибн Шапрут (915–970) – еврейский ученый, врач и политический деятель; был советником кордовских халифов – Абдуррахмана III и его сына Хакама II.

2. Восьмая строка письма начинается словами: «Сообщаем мы вам, община Киева...». Поскольку ранее, в строке шестой, уже обозначен адресат письма – «святым общинам, рассеянным по всем уголкам /мира/», Голб определил, что «община Киева» – отправитель.

3. По Голбу, имя героя Киевского письма и имена подписавших письмо свидетельствуют о типологической близости даже их исконно еврейских имен набору имен хазарских царей и вельмож. О хазарских именах мы можем судить по другим известным нам хазарско-еврейским документам: письму царя Иосифа и анонимному письму хазарского еврея, адресованном Хасдаю ибн Шапругу [Голб, Прицак, 2003, с. 36–41]. Шесть же нееврейских имен «подписантов», по Прицаку, являются тюркско-хазарскими, причем четыре из них представляют собой (либо включают в себя) названия хазарских племен [Голб, Прицак, 2003, с. 53–58]. Киевская еврейская община X в., по убеждению Голба и Прицака, целиком состояла из хазар-прозелитов и/или их потомков.

4. Еврейская община города – раввинистические ортодоксы (не караимы, не сектанты) [Голб, Прицак, 2003, с. 42]. Однако неувязка между прозелитизмом и строгой ортодоксией проявляется в некоторых именах, например, *Манар бен рабби Шмуэль коһен*, *Иехуда бен рабби Ицхак левит* и др. Прозелиты и их потомки в принципе не могут быть коһенами и левитами, ибо эти звания передаются у евреев по отцовской линии от времен Первого и Второго храмов. Голб предполагает, что такая неувязка сложилась в первый, «примитивный», период хазарского прозелитизма, когда *камы* – жрецы бога Тенгри – провозгласили, что одни из них отныне являются иудейскими священниками – коһенами, а другие помощниками священников – левитами. Эти звания сохранились далее за их потомками по мужской линии также и после того, как в Хазарии утвердился раввинистический иудаизм [Голб, Прицак, 2003, с. 42–45].

5. Иудаизм, в который первоначально обратились только правители, «пустил корни по всей территории Хазарии, достигнув даже пограничного города Киева» [Голб, Прицак, 2003, с. 48].

6. Голб полагает, что денежная единица *закук* соответствует византийской золотой монете *триенс* [Голб, Прицак, 2003, с. 22].

7. По выкладкам Голба и Прицака, принятие хазарами иудаизма привело к появлению у них двуцарствия. Военачальник *бег* узурпировал

власть, отобрав ее у сакрального властителя *кагана* [Голб, Прицак, 2003, с. 54].

8. Руническая подпись прочитана Прицаком на гунно-булгарском языке *hokurüm* («Я читал») и истолкована как разрешение хазарского чиновника [Голб, Прицак, 2003, с. 62–63].

Дальнейшие утверждения, касающиеся истории Киевской Руси, принадлежат Прицаку:

9. «Полянами» автор «Повести временных лет» именуется хазар [Голб, Прицак, 2003, с. 70–71]. Киев был основан (или завоеван) хазарами в VIII в. [Голб, Прицак, 2003, с. 70]. «В течение последнего десятилетия IX в. и в первом десятилетии X в. должность главы вооруженных сил Хазарского государства занимал [человек по имени] Куйа» [Голб, Прицак, 2003, с. 75]. Этот хорезмиец иранского происхождения послужил прототипом зафиксированной в летописях легенды о Кие и был основателем (или строителем) Киевской крепости. Упомянутое в «Повести временных лет» здание «Пасынча беседа» близ киевского района Козаре означает «резиденцию хазарского таможенного чиновника» (от хазарского *bas-inč* – «сборщик налогов») [Голб, Прицак, 2003, с. 79–80] и наряду с подписью к письму «Я читал», поставленной чиновником, свидетельствует о реальной хазарской власти в городе до прихода руси. Завоевание Киева русью во главе с князем Игорем произошло в начале 30-х гг. X в. [Голб, Прицак, 2003, с. 94]. Незадолго до этого события было написано и отправлено Киевское письмо.

III. ПЕРВЫЕ ОТКЛИКИ

Выдающееся открытие было с огромным интересом встречено ученым миром. Правда, и в самых благожелательных откликах обычно выражалось несогласие с тем или иным истолкованием текста «Письма» его публикаторами. Так, высоко оценивший работу патриарх мирового хазароведения Питер Голден упрекнул авторов публикации в категоричности и поспешности выводов: «Голб мог бы быть осторожнее в своих утверждениях относительно времени иудаизации хазар и в той же мере о сакральной метаморфозе (имеется в виду преобразование *камов* в *коhenов* и *левитов*. – А. Т.). Это резонансные спекуляции с недостаточными данными в руках. Они вполне могут быть представлены как гипотезы,

а не как установленный факт» [Golden, 1984, p. 476 (пер. с англ. здесь и далее мой. – А. Т.)]; «прочтение Прицаком хазарских имен и топонимов при всей проявленной им невероятной эрудиции в комплексе вопросов алтайской этнолингвистической истории должно было быть исчерпывающе точным или же должны быть предложены другие интерпретации» [Golden, 1984, p. 477]. Рецензент Симон Шварцфукс высказал мнение, что письмо было послано не из Киева, а в Киев, ибо сочетание «община Киева» стоит после местоимения «вам», а не местоимения «мы» [Schwarzfuchs, 1984, p. 432–434]. В работе Абрама Торпусмана приводились аргументы, что одно из имен «подписантов», истолкованное Прицаком как тюркско-хазарское, является восточнославянским (*хубоил* – *Гостята*) и, возможно, то же относится к некоторым другим [Торпусман, 1989, с. 48–53; Torpusman, 1999, p. 171–175]. Владимир Орел, присоединившись к этому мнению, предположил, что имя *лурю* записано с ошибочной перестановкой двух букв, читать его следует *лурю* (*Сирота*), оно является славянским прозвищем. Остальные подписавшие письмо (кроме двух *парнасов* – руководителей общины) указали не только свои имена, но и отчества, и лишь *Иехуда*, приведший вместо отчества прозвище *Сирота*, по мнению Орла, являлся прозелитом, отрекшимся от отца-язычника [Орел, 1997, с. 335–338]. Торпусман не согласился, что община Киева состояла из хазар-прозелитов; их иноязычные имена – результат внешнего культурного влияния на евреев, что характерно для любого исторического периода. Шварцфукс и Торпусман не признали также убедительной гипотезу Голба, будто хазарские *камы* были заявлены и признаны мнимыми *коленами* и *левитами*. Игорь Кызласов счел «произвольным» прочтение Прицаком рунической надписи в тексте [Кызласов, 1994, с. 34] (см. также [Кызласов, 1990, с. 65, 67]). Наибольшие протесты вызвали исторические построения Прицака, главным образом со стороны советских и ряда постсоветских ученых. Так, киевский историк Алексей Толочко решительно отверг всякую возможность реальной хазарской власти в Киеве X века [Толочко А. П., 1987, с. 144–146]. Не согласился с этим утверждением Прицака и директор Института российской истории в Москве чл.-корр. АН СССР А. П. Новосельцев [Новосельцев, 1990, с. 8]. Некоторые из советских историков высказали не только критику комментариев Голба и Прицака, но и недоброжелательное отношение к самому Киевскому письму.

IV. ДАЛЬНЕЙШИЕ ОТКЛИКИ И ОБСУЖДЕНИЕ ПАМЯТНИКА

Одной из важных причин замалчивания и неприятия памятника в СССР были антисемитские стереотипы, укоренившиеся в сочинениях по отечественной истории – начиная с периода позднего сталинизма и вплоть до конца советской империи. Тогда, по замечанию американского востоковеда Питера Голдена, у советских историков «хазарская тема стала почти табу» [Голден, 2005, с. 38; Михеев, Тортика, 2005, с. 176–178]. Своеобразному проклятию предал книгу «Хазарско-еврейские документы X века» главный специалист советской Украины по истории Древней Руси, директор Института археологии, акад. П. П. Толочко. Приведу начало единственного абзаца монографии ученого, в котором упоминается «зловредное» сочинение: «В недавно вышедшей работе Н. Голба и О. Прицака, посвященной публикации двух, касающихся истории славян, документов хазарского происхождения, была возрождена и доведена до абсурда теория о неславянском происхождении полян, а следовательно, и основанного ими Киева. Авторы посредством передержек в цитировании летописи и вольного толкования археологических фактов...» [Толочко П. П., 1987, с. 28] и т. п. Брань занимает весь абзац. Через 17 лет, в независимой Украине, академик позволил себе посвятить абзац уже оценке «новооткрытого» документа. Начало этого абзаца:

«Прежде всего о самом письме. Даже если согласиться с его подлинностью (в чем нет полной уверенности) и с тем, что написано оно в Киеве в первые десятилетия X в., то максимум, на что уполномочивает оно добросовестного исследователя, это на утверждение о наличии в Киеве в это время иудейской хазарской общины, вероятно, торговой колонии. Ничего нового, а тем более сенсационного, в письме не содержится» [Толочко П. П., 2001, с. 38–42; 2004, с. 99–100].

Вместо того чтобы радоваться появлению уникального материала по истории Киева, ученый явно стремится преуменьшить значение памятника. Так предвзято отнесся к Киевскому письму наиболее квалифицированный украинский специалист по истории старшей поры; ученые меньшего ранга уже никак не стыдились своего «невежества», начисто игнорируя документ.

По счастью, следование традициям советского государственно-антисемитизма является уже маргинальным явлением. Многие

ученые России и Украины внимательно отнеслись к документу, анализируя его данные для осмысления отечественной истории. Наибольший вклад в это дело внес московский профессор, историк и археолог В. Я. Петрухин, тщательно и достойно прокомментировавший русский перевод книги [Петрухин, 2003, с. 194–220]. Отмежевываясь от «советской официозной концепции», он заметил: «Любое известие о древнейшей истории Руси и Восточной Европы драгоценно, тем более, когда оно касается жизни столицы одного из крупнейших средневековых государств...» [Петрухин, 2003, с. 194]. С большинством построений О. Прицака В. Я. Петрухин не согласился; такой подход разделили последующие исследователи Киевского письма, и не только в России.

Лингвист акад. В. Н. Топоров (Москва) увидел в письме знаменательное начало отражения вечной и важной темы славяно-еврейских отношений [Топоров, 1991, с. 133; 1993]. Украинский историк проф. А. А. Тортика посвятил памятнику специальную работу, в которой, исходя из сюжета письма, легко и логично опроверг возможность того, что оно было написано при хазарской власти в Киеве [Тортика, 2002; 2006]. По мнению А. А. Тортики, неспособность еврейской общины заплатить 100 монет (даже если имелись в виду не серебряные арабские *дирхемы*, наиболее распространенные тогда на Руси, а полновесные золотые византийские *солиды*) свидетельствовала о ее нелегком экономическом и правовом положении. Под властью хазарского наместника иноверцы не посмели бы держать год в кандалах уважаемого члена еврейской общины, даже и задолжавшего. В X в. власть и экономическая сила в Киеве находились в руках не хазар и евреев, а варяжской дружины. Еврейские купцы испытывали затруднения в торговых поездках. Варяги (которые были не только воинами, но и торговцами) скорее всего и дали в долг деньги брату Яакова, они же, по всей видимости, и убили и ограбили брата в дороге, а затем предъявили счет Яакову и передали своему суду. Известный нам маршрут Яакова за сорока денежными единицами (Киев – Каир, а не Киев – Итиль, по которому целесобразнее всего было бы отправиться должнику при хазарской власти) показывает, что дорога в Хазарию была тогда закрыта.

Письмо в качестве источника по правовым нормам Киевской Руси внимательно проанализировано в работах заведующего кафедрой Удмуртского государственного университета, проф. В. В. Пузанова [Пузанов, 2003, с. 6–14; 2006, с. 154–160]. В. В. Пузанов

рассматривает пребывание Якова в оковах как пример долгового рабства, отмеченного в источниках Северной Европы. Он примкнул к тем исследователям, которые отождествляют *закук с дирхемом* и, ссылаясь на источники, определил сумму в 100 *дирхемов*, которую заимодавцы потребовали с Якова, как обычную в то время стоимость раба [Пузанов, 2006, с. 155].

«Уникальность “письма”, – констатирует В. В. Пузанов, – даже не столько в его древности, сколько в содержащейся в нем информации, единственной такого рода для Древней Руси. В отличие от других... источников, в “письме” дано не частичное, а практически полное описание юридического казуса, связанного с поручкой и ответственностью поручителя. Более того – описан случай двойного поручительства (Якова за брата и общины за Якова) и выкупа поручителя поручителями со своеобразным залогом. Сомнения относительно подлинности рассматриваемого документа безосновательны (ср. приведенное выше мнение акад. П. П. Толочко. – А. Т.). “Письмо”, в отличие от еврейско-хазарской переписки и Кембриджского документа, не несет в себе выраженного политико-идеологического заряда. В нем описывается заурядная частнопрововая сделка, которая, в силу драматичного и, в то же время, достаточно типичного развития событий, потребовала вмешательства киевской иудейской общины... Это дошедшие до нас осколки простых житейских трагедий, которые теряются под пером летописца или законодателя. Тем они и ценны для историка» [Пузанов, 2006, с. 159].

В докладе «Достижения и перспективы хазарских исследований» (Международный хазарский коллоквиум, Иерусалим, 1999) американский ученый проф. П. Голден оценил книгу Н. Голба и О. Прицака так: «Несмотря на критику, работа остается важнейшей в своей области» [Golden, 2007, p. 41; Голден, 2005, с. 27–68].

Израильско-германский востоковед-тюрколог Марсель Эрдаль в докладе «Хазарский язык» на том же коллоквиуме посвятил значительную часть выступления критическому разбору этимологий Прицака, касающихся нееврейских имен в Киевском письме. Частично согласившись с этимологиями, предложенными В. Орлом и А. Торпусманом, он отверг все построения Прицака и сам представил интересное прочтение имени *лугю* как готское или древнескандинавское слово *swartä* («черный»). Далее, Эрдаль принял предположение Шварцфукса, что письмо направлено в Киев, а не из Киева, и признал возможным, хотя и несколько сомнительным, толкование

рунической надписи «Я читал». Эрдаль высказал мнение, что письмо отправлено из Дунайской Болгарии и разрешительная надпись сделана на болгарском [Erdal, 2007, p. 75–108; Эрдаль, 2005, с. 125–139].

Торпусман в новой работе попытался оценить культурно-исторический аспект списка имен киевской еврейской общины, представленный в письме. Славянские имена, которые носят в X в. некоторые киевские евреи, свидетельствуют об их славянской аккультурации. Предложена иная разбивка слов 26-й строки письма, чем у Голба: **הוּן בֵּר כִּי בֵר חֻטוֹי** (Гостята бен рабби Кый бен рабби коhen), что предполагает в семье *коhenов* два поколения, носящих славянские имена. Сходный процесс языковой ассимиляции переживала тогда и варяжская дружина в Киеве, что отразилось в имени княжеской семьи: сын Игоря и Ольги впервые назван именем, хотя и производным от имен родителей (значения – «прославленный» и «святая»), но звучащим уже по-славянски – Святослав [Торпусман, 2008, с. 11–15].

К значимым работам, специально посвященным памятнику, следует отнести также небольшую статью В. В. Напольских [Напольских, 2003, с. 221–225], опубликованную во втором издании русского перевода книги Голба и Прицака. Эта работа показывает, что прочтение рунической подписи в письме, предложенное Прицаком, натянуто и неверно. Сохранившиеся знаки, по убеждению исследователя, пока не могут быть отнесены ни к одному из известных алфавитов.

V. НОВОЕ О «КИЕВСКОМ ПИСЬМЕ»

Текст Киевского письма с комментариями В. Я. Петрухина опубликован в хрестоматии «Древняя Русь в свете зарубежных источников», т. III: «Восточные источники» (М.: Русск. фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 174–176).

В 2010-е гг. появились серьезные работы о Киевском письме, предлагающие новые подходы к этому документу. Они заслуживают специального рассмотрения, это: обширная статья историка Константина Цукермана (Париж) [Zuckerman, 2011, p. 7–56], небольшая, но емкая заметка палеографа Семена Якерсона (Санкт-Петербург) [Якерсон, 2003, с. 204–214] и исследования лингвиста Олега Мудрака (Москва), посвященные новому прочтению рунических памятников Евразии [Мудрак, 2016, с. 349–379; 2017, с. 296–416]; одна из глав

первой из его статей, по-новому освещающих этимологию нееврейских собственных имен в еврейско-хазарских документах, анализирует Киевское письмо.

1) **Общее замечание**

Два исследователя – Цукерман и Якерсон, независимо друг от друга, пришли к одному и тому же выводу относительно статуса памятника: **перед нами не оригинал письма киевской общины единоверцам других городов и стран, а заверенная копия такого письма.** Рассмотрим для начала это их утверждение, чтобы затем перейти к разговору о каждой из работ отдельно.

Цукерман следующим образом аргументирует свое утверждение о статусе письма: «...Письмо адресовано “святым общинам, разбросанным по всем уголкам (мира)” (строка 6)... Послание, однако, теряет смысл и ценность, если в нем не обозначена исходная община – как это оказалось бы в том случае, если бы Киев оказался местом назначения Письма, а не местом его исхода. В этой интерпретации анонимная община, членом которой был Мар Яков, весьма неуклюже вставила конкретное обращение к общине Киева в круговое письмо, содержащее заявление: “мы послали /Мар Якова/ по святым общинам, чтобы они могли оказать ему милость” (строки 16–17). Следует ли заключить, что Мар Яков вез отдельные письма для каждой общины, которую он собирался посетить, – с призывом о помощи, всякий раз разжиженным заявлением о том, что он и его покровители рассчитывали на щедрость не только одной этой общины?

...За основной частью текста Письма следуют девять подписей свидетелей, заверяющих его содержание и доброе имя его подателя. Первый среди них, Авраам, носит титул *парнас*, лидер общины (строка 25), и я хочу подчеркнуть, что такой краткий титул уместен и понятен только в том случае, если община, руководимая Авраамом, уже названа выше. Поразительным образом имя Авраама, как и восемь последующих имен, выписаны одной и той же рукой – той, что написала и основную часть Письма. Голб отметил эту палеографическую особенность (с. 5–6), но, насколько мне известно, она осталась без комментариев. У меня же есть этому только одно объяснение. Документ из генизы был не оригиналом, а копией рекомендательного письма, написанного еврейской общиной Киева в поддержку злосчастного Якова. Парадоксальным образом это делало его непригодным для первоначальной цели: только письмо,

содержащее оригинальные подписи, могло представлять потенциальным донорам свидетельство доброго имени Якова.

Однако сохранившееся Письмо ни в коем случае не было чисто приватной копией. В последней строчке содержится имя другого *парнаса*, Ицхака, написанное иным почерком и иными чернилами. В этой же строке содержится также руническая надпись, написанная очень необычными чернилами, много способствовавшая славе Письма. Как и Авраам, *парнас* Ицхак не считал необходимым назвать общину, руководителем которой он был. Это может означать, по моему мнению, только то, что каждый *парнас* подписался на территории своей власти: Авраам был первым, кто подписал оригинальный документ в Киеве, а Ицхак заверил его копию, сделанную в месте, несомненно отличном от Киева, где он возглавлял местную еврейскую общину... там же Письмо было помечено и рунической надписью. Другими словами, дипломатический аспект Письма показывает, что это копия оригинальной *хамлацы*⁵, написанной еврейской общиной Киева, копия, заверенная руководителем другой еврейской общины, возможно, специально для представления ее властям, которые поместили ее рунической надписью в левом нижнем углу» [Zuckerman, 2011, p. 8–9 (пер. с англ. здесь и далее мой. – А. Т.)].

В дальнейшем Цукерман указывает города, где подпись *парнаса* Ицхака могла быть подтверждена: «Где-то в пути, возможно в Саркеле или в Итиле, глава местной еврейской общины заверил копию этой *хамлацы*, которая была затем подтверждена хазарским чиновником и использовалась как проездной документ» [Zuckerman, 2011, p. 24–25].

Обоснование того, что Киевское письмо – копия, а не оригинал, Якерсоном тоже изложено подробно: «Все имена (кроме последнего, как бы визирующего текст) написаны не самими свидетелями, подтверждающими верность излагаемых событий, а тем же писцом, который написал/переписал (в значении – скопировал) и сам документ. Корпус подобных писем из Каирской генизы, подписанных свидетелями, наглядно показывает, что свидетели (даже малограмотные) подписывали документы собственноручно. Данный факт, по крайней мере, требует какого-либо объяснения» [Якерсон, 2003, с. 205]. И далее: «Документ не подписан самими свидетелями, а их имена написаны писцом, переписавшим основной текст.

⁵ *хамлаца* (ивр.) – рекомендация.

С моей точки зрения, это говорит о том, что перед нами не оригинал документа (который всегда подписывался самими свидетелями или, по крайней мере, большинством из них), а его копия. Копия подобного документа могла быть снята для архива той общины, в которую поступил запрос. В нашем случае – для архива общины... синагоги Бен Эзры в Фустате (по месту обнаружения). Однако это противоречит логике...: письмо написано “невосточным” почерком и – главное в данном контексте – явно было тщательно сложено... для перевозки. Складывать документ, который был подготовлен как архивная копия, не было никакой необходимости. Другим объяснением данного явления может являться предположение, что помимо оригинала документа, отправляющемуся в долгий путь просителю вручили также одну или несколько копий. Возможно, для предъявления в различных местах на пути следования. Наша копия была заверена *Ицхаком ха-Парнасом* (אִיִּצְחָק הַפַּרְנָס'), подписавшим документ лично. Если допустить, что перед нами копия (в чем я лично не сомневаюсь), то можно предположить, что было изготовлено несколько схожих документов с указанием различных городов по пути следования просителя» [Якерсон, 2003, с. 209–210].

Правда, такие объяснения рождают новые вопросы. Основание для сомнений огласил Цукерман: только оригинальное письмо с подписями гарантов (а не его копия) может свидетельствовать о добром имени Якова перед возможными донорами из отдаленных общин. Якерсон, чтобы снять сомнения, предлагает две гипотезы: 1) копия могла быть изготовлена для хранения в общине, куда поступил запрос (и сам же опровергает ее, ибо письмо тщательно складывалось – явно для перевозки); 2) «помимо оригинала документа отправляющемуся в долгий путь просителю вручили также одну или несколько копий». На мой взгляд, вторая гипотеза столь же неубедительна, как и первая. Киевская община явно небогата, а пергамент дорог. Сам же Якерсон ранее отметил: «Пергамен, дорогой и прочный материал, использовался для переписки текстов “на века” – библейских кодексов, галахических компендиумов, молитвенников и литургических сборников. В случае документов – для брачных контрактов и разводных писем. Использование пергамена для частного письма или его копии... встречалось достаточно редко...» [Якерсон, 2003, с. 207–208]. Для общины, не слишком состоятельной, изготовление и отсылка одного лишь пергаментного оригинала (без одной или нескольких [!] копий) были нагрузкой... Кстати, Цукерман (см.

выше) метко указал на стилистическое несоответствие письма ситуации, когда каждой общине, в которую прибывает проситель, вручается специальная копия: «Следует ли заключить, что Мар Яков вез отдельные письма для каждой общины, которую он собирался посетить, – с призывом о помощи, всякий раз разжиженным заявлением о том, что он и его покровители рассчитывали на щедрость не только одной этой общины?». Цукерман предложил иное пояснение: подпись *Ицхака ha-парнаса*, заверяющего верность копии, дополнительно завизирована хазарским чиновником в Саркеле или Итиле, после чего копия могла использоваться как авторитетный «проездной документ». Почему вероятность появления *Якова* с письмом в указанных городах более чем сомнительна, будет сказано ниже.

На мой взгляд, существует гораздо более простое объяснение феномена: **Письмо написано образованным человеком, *Аврахамом ha-парнасом*; он подписал его первым. Девять членов киевской общины, чьи имена обозначены после него, были неграмотны, и *Аврахам* им помог, вписав их имена. Второй грамотный человек в группе, *Ицхак ha-парнас*, подписался сам.**

Мне возражат: известно, что в средние века еврейские мальчики уже поголовно обучались грамоте – и подписаться мог каждый. Более конкретное возражение отлично сформулировано (см. выше) Якерсоном: «Корпус подобных писем из Каирской генизы, подписанных свидетелями, наглядно показывает, что свидетели (даже малограмотные) подписывали документы собственноручно».

Но дело-то в том, что в домонгольский период община (*эда*) Киевской Руси отличалась от других *эдот* – отличалась именно низким уровнем грамотности. Это отмечено не только в X в., но, как можно убедиться, и несколько позже.

Следующий документ из генизы относится к началу XI в. и представляет собой тоже рекомендательное письмо на иврите, но не от общины, а личное. Тувия бен Элиэзер, раввин из города Салоники в Византии, просит своего корреспондента в Иерусалиме оказать помощь достойному еврею, прибывшему «ми-кагал Русия», т.е. от одной из общин Киевской Руси. Этот человек хочет попасть из Салоник в Иерусалим, но у него есть проблема. Достойный еврей не разговаривает ни на иврите, ни на греческом, ни на арабском, единственный его язык – «кнаанит, язык его родины», т.е. славянский. Нужен волонтер, который проводит человека «из города в город, с острова на остров...» [*Marmorstein, 1921, p 92–97*].

Другое свидетельство. Тосафист Элизер бен Ицхак из Праги путешествовал по Руси во второй половине XII в. и сообщил в письме Иеһуде Хасиду (1140–1217) в Регенсбург, что в общинах Польши, Руси и Венгрии не хватает знатоков Торы, и там нанимают людей, которые одновременно исполняют обязанности раввина, учителя и кантора. Бывает, что платить не могут, – и остаются «без учения, без молитвы и без Торы»⁶.

Опять-таки могут возразить: в конце XII в. в Киеве известен ученый р. Моше, переписывавшийся с Элизером бен Натаном из Майнца, а также с Шмуэлем бен Али ha-Леви – главой багдадской иешивы. Да и само Киевское письмо составлено очень просвещенным человеком, в прекрасной культурной традиции. Все так, только яркие исключения не меняют правила: многие евреи Руси жили без учения, без молитв, без Торы. Наблюдение Якерсона, что в других письмах генизы из Фустата рекомендатели почти сплошь подписались лично, хорошо объяснимо: основной поставщик документов генизы – восточные еврейские общины (Эрец-Исраэль, Египет, Халифат, Персия), в которых обязательное обучение мальчиков стало нормой.

Вывод: Киевское письмо – не копия, а оригинал, адекватно отразивший печальную особенность местной общины.

Кстати, в общине (*kehila, kaһal*) вовсе не обязательно наличие одного-единственного *парнаса*. Полагаю, оба *парнаса*, подписавших письмо, – *Авраһам* и *Ицхак* – киевляне.

2) Константин Цукерман о Киевском письме

В начале своей работы К. Цукерман заявил, что собирается ограничиться лишь двумя важными темами, неудовлетворительно решенными или проигнорированными предшествующими исследователями: статус Киевского письма (см. выше) и содержание термина *закук*. На деле работа Цукермана охватывает и комментирует почти все темы, обсуждавшиеся предшественниками, и привлекает для решения новые подходы. Она демонстрирует прекрасное умение автора очень глубоко входить в тему и его широкую эрудицию. Это не значит, что он во всем прав.

Попытаюсь представить (иногда с комментариями) наиболее значимые, на мой взгляд, элементы подхода Цукермана к Киевскому письму и к тому, что вокруг письма.

⁶ פולין. פרקים בתולדות ותרבות יהודי מזרח-אירופה. תל-אביב. האוניברסיטה הפתוחה. יחידה 1-2. עמ' 02.

«Я полагаю, – утверждает Цукерман, – как и Прицак, что Киев появился на исходе IX в. в качестве торговой фактории на окраине Хазарского каганата и что он был завоеван Олегом спустя 30–40 лет позднее даты (...882 г. н. э.), обозначенной в русской летописи» [Zuckerman, 2011, p. 11]. (Это, кажется, единственное место в работе, где Цукерман соглашается с Прицаком, но на деле не вполне согласен и здесь: Прицак пытался доказать, что завоевателем Киева был Игорь.)

Далее Цукерман критикует предположение М. Эрдаля, что письмо послано в Киев из Дунайской Болгарии, и выражает особое несогласие с истолкованием Даном Шапира (на основе предположения Эрдаля) письма как зашифрованного послания евреев Болгарии киевской общине с просьбой помочь защитить их от преследований князя Святослава [Zuckerman, 2011, p. 9, note 3, p. 12, note 8]⁷.

Цукерман обстоятельно входит в споры исследователей о личных именах в письме: иронично отвергает антропонимические построения Прицака, превращающие список подписавших письмо в «миниатюрный перечень тюркских племен»; относительно прочтения *хубоиз* как славянского *Гостяга* констатирует: «эта интерпретация неоспорима»; предположение Эрдаля о прозвище *лутю* как *swartä* («черный» по-готски и по-древнескандинавски) отмечает, ибо в Болгарии, которую Эрдаль считает тем местом, откуда ушло Киевское письмо, ни на одном из этих языков не разговаривали. (Здесь позволю себе возразить: так ведь в Киеве, который Цукерману представляется местом отправки письма, правящие варяги по-скандинавски разговаривали-таки!) Зато интересную интерпретацию В. Орлом того же имени как искаженного из-за перестановки букв слова *лутро* (слав. «сирота») Цукерман не только принимает, но и дополняет собственным текстологическим предположением: там могла быть не перестановка букв, а просто вторая буква в слове – не «вав», а «йуд», эти буквы в средние века часто смешивались [Zuckerman, 2011, p. 12–14]. (Мне это не представляется чересчур убедительным: даже в предложенном Цукерманом варианте – *лут'ю*, без перестановки букв, написание слова искажено, ибо там отсутствует «вав» после «рейш», а он необходим для обозначения звука «о», ведь аканья в древнерусском не было. Интерпретация Орла лучше объясняет отсутствие патронима, здесь Цукерман прав, но и эрдалевская версия,

⁷ Ср.: [Шапира, 2010, с. 61–62].

без допущения искажений в письме, не исключает подобной причины отказа от упоминания отца *Иехуды* с прозвищем *Сварте* – отцовское имя нежелательно.)

В отличие от Голба и других комментаторов Киевского письма, Цукерман не признает, что иудаизм Хазарского каганата был строго раввинистическим, полагая, что есть основания для сомнений [Zuckerman, 2011, p. 14, 18].

Большое место в исследовании Цукермана занимает полемика автора с известной книгой Шломо Занда «Кто и когда придумал еврейский народ?» Эта полемика сама по себе интересна и верна, но я ее пропущу, ибо к Киевскому письму она отношения не имеет. Разве что небольшой отрывок косвенно затрагивает тему, близкую письму: «Хазары-иудеи не имели демографического потенциала, чтобы обеспечить миграционную волну в... [западном] направлении, куда их посылает Занд на исходе XIII века. После того как их страна в 960-е гг. была разрушена, иные из них, как сообщается, приняли ислам, а те, кто остались иудеями, вероятно, внесли демографический вклад в немногочисленные славяноязычные общины Восточной Европы, однако эта скудная еврейская популяция после удара, нанесенного монгольским вторжением, в основном исчезла до того, как пришли мигранты-ашкеназы» [Zuckerman, 2011, p. 17].

Мне очень близко все, что утверждает здесь Цукерман, кроме мнения об исчезновении общины евреев-кенаанитов после монгольского нашествия. На самом деле эта эда только к XVII в. окончательно растворилась в среде ашкеназов (значительную часть которых, если не большинство, в Восточной Европе составляли ашкенизированные западные кенааниты [Chlenov, 2014, p. 13–51]). Помимо того, остатки евреев Хазарии и некоторые восточные кенааниты могли после монгольского нашествия положить начало татароязычной еврейской общине в Крыму (разделившейся на крымчаков и караимов) – ведь самые ранние захоронения на иудейских кладбищах в Мангупе и Чуфут-Кале относятся к XIV–XV в., после татарского завоевания [Федорчук, 2006, с. 85; Кашовская, 2017, с. 255]. (Возможно, какая-то часть этих евреев попала в Крым как пленники в обозах завоевателей.) Ну, и некоторая доля хазарских иудеев, видимо, вошла в эду горских евреев, сохранившую до XXI в. личное имя Ханука, зафиксированное, помимо Киевского письма, также в письме царя Иосифа как имя хазарских царей.

Один из самых впечатляющих разделов работы Цукермана посвящен детальнейшему разбору содержания термина *закук* (мн. ч. *зекуким*) – обозначение денежной единицы. Цукерман отвергает отождествление Голбом *закука* с золотым византийским *триенсом*: нет свидетельств, что эта монета (по стоимости – треть полновесного *солида/номисмы*) когда-либо была в ходу на Руси, да и в самой Византии она не была расчетной единицей [Zuckerman, 2011, p. 19]. Более того, Цукерман вообще не соглашается с переводом термина на английский, который дал Голб, – *a coin* («монета»). Термином *закук* первоначально называли «очищенный» (металл) и в XII в. он означал определенное количество (фунт или полфунта) чистого серебра, чаще в слитках, чем в монетах. Только с XIV в. это слово стало упоминаться применительно к монете, и то лишь в теоретических комментариях по поводу суммы в брачном контракте, которую муж должен выплатить жене в случае развода. И то, и другое – исключительно в Европе, примерно в пределах Каролингской империи [Zuckerman, 2011, p. 19–20]. Самое раннее (но позже Киевского письма) упоминание слова *закук* относится к концу X – началу XI в. и принадлежит рабби Гершому из Майнца, прозванному Светочем изгнания. В его высказывании *закук* определен как слиток серебра весом в 12 унций [Zuckerman, 2011, p. 20–21].

К. Цукерман скрупулезно разбирает изменение значения термина и колебания весовых параметров *закука*. Попутно выявляются детали реформаторской активности духовных вождей ашкеназских евреев, семейного быта этих евреев и уровня их материального благополучия. Если верить материалам *респонсов*⁸, до Крестовых походов этот уровень был очень высок, что может служить основанием для предположения: авторы Киевского письма именно в общинах германских земель видели доноров для пострадавшего *Якова*. Цукерман утверждает, что термин *закук*, не известный вообще еврейским общинам Азии и Африки, позволяет уверенно предположить, что именно Рейн, а не Нил, был конечным пунктом письма [Zuckerman, 2011, p. 23–24].

В связи с этим утверждением Цукерман выдвигает свою датировку Киевского письма. Очень мало известно о торговых связях

⁸ *Респонсы* – письменные разъяснения и решения по галахическим и судебным вопросам, которые даются иудейскими религиозными авторитетами в ответ на запросы общин и отдельных лиц.

Киевской Руси с государством Каролингов, да и политические связи между христианским Западом и языческой Русью отсутствовали, за исключением одного, очень краткого, периода после принятия христианства княгиней Ольгой.

«Посольство княгини Ольги в 959 г. попросило короля (будущего императора) Оттона I направить епископа и священников для распространения христианства на Руси... Епископ Адальберт был послан в Киев ранней весной 961 г., но он поспешно возвратился в следующем же году, потеряв нескольких своих спутников, и сам еле спасся. Большинство исследователей объясняют такое драматическое поворотное событие переменой власти в Киеве» [Zuckerman, 2011, p. 24]: княжеский престол вместо Ольги занял воинствующий язычник Святослав.

«Вряд ли будет смелым предположение, что дипломатическое *сближение* между Русью и Германией сопровождалось – а возможно, и предварялось – установлением связей между еврейскими общинами обеих стран. В этот период обращение евреев Киева за помощью к богатым единоверцам на Рейне было бы естественным. И наоборот, после фиаско Адальберта в 961-м или 962-м ни один еврей из Киева не рискнул бы сунуться в империю Каролингов. В это время, до хазарских походов Святослава, состоявшихся позднее в том же десятилетии, путь на восток был еще открыт. Потому, я думаю, Мар Яаков, – который не мог оставаться в Киеве и продолжать встречаться со своими неудовлетворенными кредиторами, – и предпринял свое более дорогостоящее и рискованное путешествие» [Zuckerman, 2011, p. 24].

По Цукерману, Яаков отправился за помощью к еврейским общинам Хазарии, и там – в Саркеле или Итиле – письмо было помечено визой хазарского чиновника. Здесь позволю себе решительно не согласиться. При княжении Святослава путь в Хазарию (вплоть до войны с ней и ее разгрома) был перекрыт точно так же, как в Германию, если не строже. (Ср. приведенное выше высказывание проф. А. А. Тортики.) Открыт был путь «из варяг в греки», который контролировала Русь; Яаков отправился этим путем – только потому письмо, написанное в Киеве в начале 960-х гг. и ориентированное, по первому замыслу, на запад, в Эрец-Немец (так именуется Германия в письме царя Иосифа), оказалось в Каирской генизе.

Так или иначе, тщательно проведенный Цукерманом анализ термина *закук* показывает, что весовая мера чистого серебра

в ашкеназской общине X в. составляла приблизительно 12 унций, и, учитывая это обстоятельство, долг Яакова иноверцам был представлен в письме, адресованном евреям-ашкеназам, более чем внушительной суммой – 30 кг серебра [Zuckerman, 2011, p. 25]. Однако отправители Киевского письма термином *закук*, вероятнее всего, обозначили местную весовую единицу серебра – *гривну*, и Цукерман столь же добросовестно и подробно рассматривает историю *гривны* и ее количественных параметров в Новгородском и Киевском (попутно и в Черниговском) княжествах. Помимо того, тщательно исследуются обменные курсы принятых на Руси денежных единиц соседних государств – Арабского халифата, Византии, скандинавских королевств, рассматриваются взаимоотношения *гривны* и других денежных единиц Руси – *ногаты* и *куны*. Исследование К. Цукермана основательно выходит за рамки поставленной им темы, однако относительно долга Яакова – 100 *закуков* – он дает четкое определение: «Приравнивая его (*закук*. – А. Т.) к *гривне*, приходим к стоимости долга примерно в 4 кг серебра, что эквивалентно примерно 1400 *дирхемам* или, особенно в период, столь близкий к договорам [Руси] с Византией, 100 *солидам*» [Zuckerman, 2011, p. 44].

Таким образом, опираясь на хорошую доказательную базу, исследователь подтверждает высказывавшееся и ранее мнение, что Яакову надлежало возместить кредиторам брата не скромные 100 серебряных *дирхемов*, а серьезную сумму в 100 полновесных золотых монет. Такая сумма вполне оправдывает тревогу авторов письма – сограждан Яакова – и их призыв к зарубежным единоверцам о помощи...

3) Семен Якерсон о Киевском письме

Мне выпала честь быть одним из трех редакторов сборника «Кенааниты. Евреи в средневековом славянском мире» (24-й т. «Jews and Slavs»), в котором опубликована статья С. Якерсона под скромным названием «Несколько палеографических ремарок к датировке “Киевского письма”».

Нас, редакцию сборника, смущало брошенное вскользь замечание акад. П. П. Толочко, что в подлинности Киевского письма «нет полной уверенности» (см. выше). Хотя академик не является ни в коей мере специалистом в области еврейской палеографии, и его «сомнение» – просто отражение общей предвзятости к памятнику (более никто подделку не заподозрил; ср. выше мнение проф. В. В. Пузанова), мы решили предложить проф. С. Якерсону,

одному из ведущих в мире палеографов-гебраистов, заново исследовать, верно ли идентифицировал Н. Голб подлинность и древность письма. Работу С. Якерсона финансировал Евроазиатский еврейский конгресс.

Проведенное исследование петербургский ученый согласовал с шестью компетентными коллегами в Оксфорде, Кембридже, Париже и Иерусалиме. Участие в «палеографических ремарках» столь мощной экспертной группы создает новый, более достоверный, фон для истолкования данных Киевского письма. Сам автор «ремарок» не ограничился чистой палеографией и представил собственные, очень интересные, соображения вокруг истории создания памятника. (См. выше раздел «Общее замечание».) Они не столь бесспорны, как заключения палеографической группы, которые тоже, как принято в науке, подлежат обсуждению. Чем и займемся.

а) Локализация памятника

Эпиграфом к «Палеографическим ремаркам» С. Якерсон избрал еврейскую поговорку, которая на русский переводится: «Приучи свой язык говорить “не знаю”» [Якерсон, 2014, с. 204]. В эпиграфе содержится упрек толкователям Киевского письма (не только Н. Голбу и О. Прицаку), приходящим к безапелляционным выводам без достаточно твердых оснований. Одним из таких выводов является обозначение памятника как «Киевское письмо». На самом ли деле оно Киевское?

«Прочтение самого географического названия требует определенного “предвзятого желания”, т.к. первая буква в нем сегодня (как и в период обнаружения документа) не читается (она попадает на изгиб и пятно на пергамене и практически не видна). Корректнее передавать это слово транслитерацией – []уувb’ (ивр. 'ויב[]») [Якерсон, 2014, с. 205, 208–209].

Замечание уважаемых палеографов, хотя в принципе и справедливо, отнюдь не вовсе бесспорно. Первую букву слова действительно прочесть в рукописи невозможно. Н. Голб предположил, что апостроф левее последней буквы *bet* означал спирантность ее произношения («в», а не «б»), стало быть, слово без первой буквы было прочитано «...ийов» (или «...ийув»). Попытавшись подставить какую-либо букву на первое место в слове, Голб легко убедился, что нечитаемой буквой была *куф*, и слово читается «Кийов» (с чем согласились оппоненты). В данной статье С. Якерсон показал: апостроф не обозначает в письме спирантность, а указывает,

что предшествующее слово – географическое название [Якерсон, 2014, с. 208–209]; значит, слово без первой буквы (географическое название!) может читаться и «...ийов», и «...ийоб»; – многое ли это меняет? Осторожное примечание автора: «Я не утверждаю, что прочтение данного топонима как Киев невозможно, но хочу подчеркнуть, что оно неочевидно» [Якерсон, 2014, с. 211], – меня не убедило. Никакой средневековый европейский (см. ниже) город, кроме Киева, вписывающийся в представленную – хоть Н. Голбом, хоть С. Якерсоном – лексическую модель, мне не известен⁹. Но главное – **еврейский антропонимикон документа очень точно привязывает письмо если не к Киеву, то уж наверняка к Киевской Руси**. Например, крайне редкие в Средние века личные имена «подписантов» Киевского письма *Шимшон* (*שמשון*) и *Синай* (*שׂינאי*) (с. 28) присутствуют также в документе XII в. из Владимира (Владимир-Волынский; Парижская рукопись 380 из Национальной библиотеки в Иерусалиме [Кулик, 2008, с. 58]); кроме того, имя *Синай* упоминает также р. Ашер бен Иехиэль Рош из Толедо (1250–1327) в качестве патронима его ученика (*Ашер бен Синай*), который приехал к нему учиться из страны Русия (там же).

Убежден – **нет никаких оснований ревизовать локализацию Киевского письма**. Никто ведь не предписывает историкам: непременно указывайте – вероятность того, что «географическое название» обозначает именно Киев, составляет не 100, а всего лишь 99%...

б) Датировка

В книге О. Прицака и Н. Голба время написания Киевского письма определено «около 930 г.». Эту дату обозначил О. Прицак на основании своих очень спорных исторических построений **при молчаливом согласии соавтора, хорошего знатока еврейской палеографии**. Поэтому те, кто отверг исторические посылы О. Прицака, приняли для себя «более широкую датировку – X в.» [Петрухин, 2003, с. 215]. Когда в текстах исторических сочинений С. Якерсон видит

⁹ Сомнение в том, что географическое название относится к Киеву, высказал, помимо С. Якерсона, также А. Бейдер [Beider, 2015, p. 353]. Причиной его скепсиса является, помимо стертости первой буквы, также наличие в названии города предпоследней буквы «вав», придающей якобы названию польский, а не восточнославянский облик (Киѣв, или Киюв, вм. Киев). Наблюдение верное, но стоит учесть, что название города автор письма воспроизвел согласно этнолекту славяноязычных евреев – *кнааниту*, не вполне совпадающему с говором местных славян.

ссылки на «Киевское письмо, по данным палеографии датирующееся X веком», это вызывает его активный протест [Якерсон, 2014, с. 211]. Профессора можно понять, так как никаких ссылок именно на палеографические данные, позволяющие отнести памятник к X в., у историков нет.

Тщательный анализ, проведенный ведущими мировыми специалистами, выявил основы для определения возможного времени написания Киевского письма.

Во-первых, физический носитель, на котором оно написано. «Использование пергамента и запись текста на мясной стороне косвенно свидетельствуют с достаточно большой долей вероятности о том, что перед нами документ раннего периода генизы (т.е. по XII век включительно)» [Якерсон, 2014, с. 208]. Уместно напомнить, что самые ранние документы Каирской генизы относятся к IX в.

Во-вторых, графика и почерк. «Данное письмо, вероятно, можно охарактеризовать как письмо стадии формирования **европейского** (выделено мной. – А. Т.) квадратного письма и назвать “протоквадратным” письмом» [Якерсон, 2014, с. 208].

В-третьих, дополнительные графические элементы: апостроф, надстрочные точки и разделитель имен собственных. Последний оказался важным определителем времени и места создания памятника. «Графические разделители имен свидетелей не встретились мне ни в одном из многочисленных фрагментов генизы, с которыми я сличал наше письмо. Подобные значки в качестве элементов графического заполнения строк можно встретить в **европейских** (выделено мной. – А. Т.) рукописях позднее, начиная с XI–XII вв. и далее.

Таким образом, можно отметить, что, с одной стороны, архаичность письма и невозможность его однозначной идентификации («протоквадратное письмо», возможно, византийского типа) говорят о древности документа, но, с другой стороны, употребление графических элементов, характерных для более поздних рукописей (XI–XII вв.), взывает к двойной осторожности в определении периода его создания» [Якерсон, 2014, с. 209].

Общий вывод: На современном этапе развития еврейской палеографии и кодикологии у нас нет ни малейшего основания датировать документ из Каирской генизы, хранящийся в библиотеке Кембриджа под шифром T-S (Glass) 12.122, именно X веком, локализовать его городом Киев и рассматривать его как косвенно датированное по палеографическим признакам историческое свидетельство.

Тем не менее нет сомнения в том, что перед нами достаточно ранний документ европейского происхождения (sic! – А. Т.), относящийся к первому этапу формирования Каирской генизы (по XII в. включительно)» [Якерсон, 2014, с. 210].

Мое мнение относительно локализации письма см. выше. Что же касается датировки Киевского письма, – уверен, что историки с должным уважением отнесутся к аргументации и выводам С. Якерсона и сообщества палеографов и примут положение: **Киевское письмо – по палеографическим данным – написано в пределах X–XII вв.**

Однако и по части датировки памятника экспертами нельзя обойтись вовсе без замечаний. Как видим, автор «ремарок» несколько раз старательно указывает самый поздний предел возможного времени написания письма – «по XII в. включительно», но очень тщательно избегает указать его раннюю границу. И только поскольку в анализе имеется словосочетание «более поздние рукописи (XI–XII вв.)», можно понять, что существование «более ранних» предполагается в X в. (или, может быть, даже в IX?). Во всяком случае, **историки школы П. П. Толочко отныне никак не могут оперировать аргументом, что Киевское письмо, возможно, является поздней подделкой.**

X век как время написания письма, хотя четко не подтвержден сообществом экспертов, но вовсе и не опровергнут. Более того, один из экспертов (д-р Эдна Энгель из Иерусалима) «считает, что с определенной долей осторожности документ можно датировать первой половиной X века» [Якерсон, 2014, с. 214]. Остальные включая самого Якерсона, по-видимому, полагают более вероятным периодом XI–XII вв. Время покажет, кто из них прав. Отчетливые следы хазарского культурного влияния на еврейскую общину Киева (например, совпадение антропонимикона общины с еврейскими именами хазарских царей), по-моему, указывают на более ранний период: Хазария пала под натиском Руси с запада и огузов с востока в 60-е гг. X в.

4) Олег Мудрак о Киевском письме

Московский лингвист, специалист по сравнительно-историческому языкознанию, тюрколог и знаток языков Северного Кавказа О. А. Мудрак недавно открыл, что рунические надписи Хазарии на камнях, монетах и памятниках из других материалов – все эти надписи сделаны на старом осетинском языке с отражением характерных черт, присущих современному дигорскому диалекту (языку) [Мудрак, 2017, прим. 39]. Дана фонетическая интерпретация знаков восточноевропейского рунического письма.

Насколько мне известно, открытие не вызвало опровержений. Два квалифицированных специалиста, оппонировавшие Мудраку в том же номере «Хазарского альманаха» – лингвист И. И. Пейрос и специалист по тюркской рунике В. В. Тишин, – ограничиваются замечаниями в духе общего скептицизма.

Один из выводов О. А. Мудрака – нееврейская лексика еврейско-хазарских документов может восходить к языкам народов Северного Кавказа. Поддержанный В. Я. Петрухиным, О. А. Мудрак опубликовал в т. 14 «Хазарского альманаха» свое исследование, включающее истолкование ряда лексем из письма царя Иосифа, Кембриджского документа и Киевского письма (главным образом – на основе осетинского материала) – «Заметки по иноязычной лексике хазарско-еврейских документов». Первая глава работы называется «Хазарские личные имена в Киевском письме» [Мудрак, 2016, с. 351–355].

Попытка истолковать имена подписавших письмо на основе осетинского языка кажется мне очень интересной, ведь осетины, как считается, потомки аланов, которые приходились хазарам ближайшими соседями и – очень часто – согражданами. По сообщению анонимного автора Кембриджского документа, некоторые аланы исповедовали иудаизм [Голб, Прицак, 1997; 2003, с. 132, 136, 140, 146]. Косвенно это сообщение, возможно, подтверждается тем фактом, что некоторые употребительные лексемы осетинского языка (и именно дигорского диалекта) заимствованы из иврита: *kădzos* ('святой', от евр. קדוש), *xădzar* ('сакля' от евр. פתח 'комната') и др. [Шапира, 2010, с. 168]. Дополнительным подтверждением (правда, спорным) может служить летописное сообщение, что ключник суздальского князя Андрея Боголюбского Амбал, «по происхождению ясин», т.е. алан, принявший в 1175 г. участие в заговоре против князя и его убийстве, был назван его собеседником «жидовином» [Ипатьевская летопись..., т. 2, 1843, стлб. 114–115; т. 5, 1851, стлб. 164–165].

а) Интерпретация нееврейских имен Киевского письма

Имени *כיר* Мудрак находит несколько соответствий в осетинском; наиболее вероятным ему кажется слово из дигорского диалекта *qebur* 'старенький, дряхлый (о человеке)' [Мудрак, 2016, с. 351].

Выше я упоминал, что иначе, чем Голб, делю строку 26 Киевского письма на слова, и имени *Кибар* в строке не вижу, а вижу имя *Кый* (от слав. 'палка') и далее отдельно *бар*. Тем не менее, служа истине, а не амбициям, скажу в пользу толкования Мудрака,

что имя со значением ‘старенький, дряхлый’ хорошо вписывается в группу «охранных» еврейского антропонимикона. Такие дополнительные имена родители и другие родственники давали в случае серьезной болезни ребенка или взрослого. У ашкеназов нередки имена этой группы: *Зейде* (м., от западнослав. *дзяд* со значением ‘дед’) [Beider, 2015, p. 350], *Бабе* или *Бебе* (ж., от слав. *баба* ‘бабушка’), *Алтер* (‘старый’, идиш), *Алте* (‘старая’, идиш); в такие имена вкладывалось пожелание долголетия.

Прозвище *сврго* исследователь интерпретирует дигорским *sāwārtax* ‘утренняя роса (крупные капельки)’, толкуя как обозначение сильно потеющего человека [Мудрак, 2016, с. 352]. Не отвергая такой интерпретации, полагаю – убедительнее гипотеза М. Эрдаля, что прозвище читается *swartä* и переводится с древнескандинавского ‘черный’, так как она представляет менее вычурную модель наречения прозвищем, да и присутствие носителей скандинавского языка в Киеве X в. несомненно¹⁰.

Имя *хубога* Мудрак истолковывает на основе среднедигорского *vast* (мн. ч. *vāstitā*) ‘жалоба’. «Т.е. прозвище по характерным поступкам, ср аналогичные польск. и вост.-слав. фамилии Жалоба, Жалобецкий, Жалобкевич» [Мудрак, 2016, с. 354]. По отношению к принятой интерпретации имени как восточнославянского *Гостята* исследователь критичен: «(сын гостя?, гостенок?). Представляется довольно странным, что это имя, отмеченное в др.-рус. памятниках, упоминается лишь по отношению к женщине. В данном списке подписавшихся женщин не могло быть» [Мудрак, 2016, с. 354].

Не могу не возразить. *Гостята* – деминутив от славянского нормативного личного имени *Гость* (в смысле «купец»), которое могло быть дано ребенку в качестве пожелания родителей относительно его будущей профессии или статуса. Деминутив нередко оставался с человеком на всю жизнь, в летописях немало персонажей с именами *Жирята*, *Путята* и т.п. Истолкования с вопросительными знаками здесь ни при чем. Утверждение же, что *Гостята* в древнерусских памятниках упоминается лишь по отношению к женщине, попросту неверно. Это имя принадлежит в берестяных грамотах Новгорода четырем разным персонажам, и только один из них – вероятно, женщина.

¹⁰Согласен с замечанием гебраиста Б. Е. Рашковского относительно прочтения имени: «Я не вижу оснований считать последнюю букву “хетом”. Это “хей”, стоящий в позиции *matres lectionis* – показателя окончания “а”...» [Рашковский, 2016, с. 394].

Имя ozl истолковано исследователем на основе иронского диалекта осетинского языка *minas* ‘угощение (подарок гостю), пиршество’. Прозвище из значения «хлебосольный, хлебосол» или «праздник» [Мудрак, 2016, с. 354].

К имени znl Мудрак дает несколько, как он говорит, «неуверенных вариантов». На первом месте – толкование из западнокавказского (адыгского) языка **totur* ‘мир, спокойствие, тишина’ [Мудрак, 2016, с. 352–353]. Выход за пределы осетинского языка, на мой взгляд, проблематичен. Однако в пользу такой интерпретации имени напомним, что оно соответствует семантике распространенного ивритского имени dwl (*Шалом*, в ашкеназ. произношении *Шолем*), впервые появившегося в позднем средневековье. (Представляет интерес, что антропоним *Манар* используется на Северном Кавказе донныне. Так, советский космонавт Муса Хираманович Манаров, род. в 1951 г., по национальности лакец, несет это слово в составе своей фамилии. Кто-то из его предков по отцовской линии три-четыре поколения назад носил личное имя *Манар*.)

Имя r'qr истолковано Мудраком несколькими вариантами, из которых самым удачным он полагает экспрессивное прозвище от дигорского *qob*: ‘короб, коробка’ (с редким, но существующим аффиксом отыменного прилагательного – *-in*) [Мудрак, 2016, с. 353].

Подводя итог антропонимическим реконструкциям ученого по Киевскому письму, отмечу, что, при некоторых правдоподобных построениях, не все из них представляются убедительными. Еще более спорна топонимическая гипотеза Мудрака, что название города Киев (в Киевском письме – y'q) может восходить к этнониму *qijawu* – ‘горный чеченец’ на андийском (один из дагестанских языков) [Мудрак, 2016, с. 355]. (Верно, что и этноним, и язык – коренные на Северном Кавказе. Верно, что Северный Кавказ – родина раннего Хазарского каганата. Возможно, Киев основан хазарами. Далее требуется чересчур много допущений, чтобы связать эти предпосылки в один узел.)

Попытка расшифровать «хазарскую» руническую надпись была, несомненно, много более успешной.

б) Расшифровка рунической надписи Мудраком, и что из этой расшифровки следует

О. А. Мудрак прочел руническое слово в левом нижнем углу Киевского письма как **aRuəzənjəg** на осетинском языке, его перевод – «Следует разрешить». В двух основных диалектах

осетинского – дигорском и иронском – слово представляет причастие будущего времени (дубитатив) [Мудрак, 2017, с. 359]. Насколько мне известно, такое прочтение и перевод пока не вызвали серьезных возражений ни специалистов по рунам, ни знатоков языка. Если прочтение не будет опровергнуто и перевод правилен, тогда это означает одно из двух:

1. Окажется верным не поддержанное сообществом историков утверждение Прицака, что в начале X в. власть в Киеве принадлежала хазарам. Письмо завизировал хазарский чиновник (наместник? таможенный инспектор?) на аланском языке.
2. Если же правы те, кто не соглашается с Прицаком (см. выше опровержение проф. А. А. Тортикой самой возможности возникновения изложенной в письме ситуации при власти хазар), и Киевское письмо написано и отправлено, когда правили Рюриковичи, тогда резолюция на аланском языке появилась не в Киеве, а при посещении Яковом территории бывшего каганата, сохранившей какие-то структуры прежнего управления. Такое могло произойти, например, если посланник киевской общины, двигаясь по «пути из варяг в греки», выйдя из устья Днепра, повернул не на юго-запад, а на восток, к евреям Тмутаракани. Под чьим бы управлением ни находился в то время город (номинально – под властью русского князя), Яков получил разрешение местного чиновника на сбор пожертвований. Собранная сумма оказалась, по-видимому, недостаточной, или тмутараканские евреи вообще отказались жертвовать, и Якову пришлось продолжить путь «в греки».

Второй вариант кажется мне правдоподобнее первого.

в) Альтернативное истолкование рунической надписи

Однако обе версии – убежден! – несут в себе логическое противоречие. Дело в том, что при истолковании надписи у исследователя было неосознанное «предвзятое желание» искать вслед за Прицаком разрешающую резолюцию чиновника (это при том, что прицаковскую интерпретацию слова – *hokurüm* /‘Я прочел [это]!’ – Мудрак отверг). Он и нашел то, что искалось: «Следует разрешить».

Только, если ясно, что Прицак ошибся в прочтении слова, не следует ли попробовать понять слово, написанное руническими знаками, как-нибудь иначе, чем Прицак? Слово стоит в письме после имен 11 членов еврейской общины. Не вероятнее ли, что это имя двенадцатого из них – прозелита? Это менее романтично, чем «резолюция», зато много правдоподобнее.

С таким вот собственным – вполне осознанным – «предвзятым желанием» я без особых надежд попытался перевести то же руническое слово **aRuэзэпјэг** с того же осетинского, но не так, как это сделал уважаемый О. А. Мудрак. Неожиданно получилось.

Правилен ли перевод «Следует разрешить»? Как указывает О. А. Мудрак, **aRuэзэпјэг** является причастием будущего времени от глагола со значением ‘опустить, допустить; позволить; ниспослать’ [Мудрак, 2016, с. 354]. В таком случае вполне правилен и такой перевод слова на русский: «Будет разрешено». А если принять во внимание другие оттенки значения того же глагола, можно перевести и так: «Будет позволено [ему]» или «Будет ниспослано [ему]». **Тогда слово вполне может оказаться личным именем, в котором выражено заветное пожелание родителей новорожденному ребенку**, не раскрываемое ими до конца (возможно, из мистических соображений).

Представляю свою интерпретацию «хазарской» приписки к Киевскому письму: **aRuэзэпјэг (Аруэзженег; пер. ‘будет ниспослано [ему]’)** – имя члена Киевской еврейской общины, одного из двенадцати подписавших рекомендацию своему земляку, собиравшему пожертвования за границей (Киевское письмо, X в.), вероятно, алана-прозелита.

На мой взгляд, она лучше интерпретации, которую предложил О. А. Мудрак, хотя бы тем, что исключает из толкования мифическую резолюцию мифического чиновника – плоды фантазии талантливого О. Прицака. Переписка о жертвованиях была в Средние века сугубо делом еврейских общин (в отличие от более поздних времен – XIX–XX вв.) и не сопровождалась формальными разрешительными резолюциями властей предрержащих... Помимо того, разрешительной резолюции чиновника более соответствовала бы грамматическая форма глагола в повелительном наклонении (или, допустим, в инфинитиве). Форма же причастия будущего времени более годится для выражения доброго пожелания, благословения, проклятия или пророчества.

Если моя интерпретация верна, то очень вероятно: алан, автор приписки – иудей не в первом поколении. Модель наречения аланским именем выглядит здесь по-еврейски: 1) В традиционных именах могли использоваться глагольные формы будущего времени, например, *Ицхак* (‘он будет смеяться’); 2) В теофорном имени при этом Бог мог быть назван или «скрыт» – *Иехезкель* (‘сделает сильным Бог’), *Иерахмиэль* (‘помилует меня Бог’), *Ирмиаһу* (‘возвеличит меня

Господь'), но *Иосеф* ('прибавит' или 'умножит'); 3) Встречались имена **и в форме причастия будущего времени**, например, *Иерухам* ('[он] будет помилован').

В любом случае – плохо сохранившееся руническое слово в Киевском письме разобрал и убедительно прочитал именно О. А. Мудрак, его работа над расшифровкой была плодотворной и результативной.

VI. «КИЕВСКОЕ ПИСЬМО» СЕГОДНЯ. ВЫВОДЫ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ

Киевское письмо – выдающийся документ. Что произошло за 35 лет непрерывного и многократно-независимого изучения открытия Нормана Голба? Подтверждена большая ценность письма в качестве свидетельства «темного периода» как истории евреев Восточной Европы, так и бедного памятниками домонгольского отрезка истории Киевской Руси. Твердо установлена древность Киевского письма – опровергнуто мнение о его «подделке». Стабильность интерпретации текста при многообразии и альтернативности подходов и большая «устойчивость» памятника к доброжелательной и недоброжелательной критике – сам по себе удивительный научный феномен.

Киевское письмо уникально свидетельствует о столице Древней Руси как о полиэтничном городе, рассказывает о непростых проблемах жизни иудейской общины на востоке Европы, дает ценный материал для обсуждения истории Хазарии. Исследования показали значимость письма для уяснения, как функционировала правовая система в городе.

Изыскания и споры вокруг письма, конечно же, будут продолжены. Что касается датировки, не исключаю, что могут быть выдвинуты версии, привязывающие события, отраженные в письме, к фактам истории Киева более позднего времени, чем обсуждавшиеся прежде. Сегодня мне представляется весьма достоверной датировка, предложенная К. Цукерманом, – в пределах 960–962 гг.

Поделюсь собственным (несомненно, спорным) видением жизни иудейской общины города в середине X в., как ее рисует Киевское письмо.

Община невелика: количество мужчин едва превышает *миньян*¹¹. Вероятно, все они без исключения согласились поставить под письмом свои подписи: трое сделали это лично и девять – с помощью услуги одного из двух *парнасов* общины. Один из трех «грамотных» (подписался последним) не писал на иврите и воспользовался руникой своего родного языка – аланского.

В полиэтничном Киеве члены маленькой и не слишком образованной общины используют несколько языков. Подписанное ими письмо исполнено на изысканном иврите. Но на этом языке абсолютное большинство членов общины между собой не общается. По всей видимости, разговорным ее языком является славянский. Во-первых, это язык большинства населения города. Во-вторых, по свидетельству Туви бен Элиэзера (о нем см. выше), единственным языком известного ему еврея «из общины Руси» в начале XI в. был славянский, «язык его родины». В-третьих, некоторые из подписавших письмо (например, *Гостята*) носят славянские имена, что является свидетельством их аккультурации. Оказионально киевские евреи пользуются словами из языка варяжских завоевателей города – так, скандинавским по происхождению является прозвище *Сварте* одного из них, *Йеһуды*. Некоторые члены общины наверняка разговаривают по-алански (наиболее характерный пример – *Аруэдженег*, подписавшийся рунами родного языка. Надо полагать, аланоязычные иудеи – прозелиты или потомки прозелитов). И, наконец, не исключено, что мы застаем в Киеве X в. и носителя идиша – языка, только-только зарождавшегося на берегах Рейна. Об этом человеке стоит поговорить отдельно.

Поразительна фигура автора текста письма – *Авраама ха-парнаса*. Это, прежде всего, человек большой культуры. Рекомендательное письмо на иврите *Аврахам* начинается в высоком стиле, рифмованным текстом (в трех первых строках – семь рифмующихся слов) [Голб, Прицак, 2003, с. 24], не свойственным жанру. Искушенный в чтении документов генизы Голб удивился: «В стремлении автора дать тексту рифмованное начало есть что-то непонятное» [Голб, Прицак, 2003, с. 24]. Думаю, ответ находится в строках 22–23 письма: «И не бросайте слова наши себе за спину...» [Голб, Прицак, 2003, с. 28, 31]. Применен ораторский прием, более свойственный устной

¹¹ *Миньян* (ивр.) – минимум в 10 взрослых мужчин (старше 13 лет), необходимый для общественного богослужения и проведения ряда религиозных церемоний.

проповеди, чем письменному тексту: стремление с самого начала поразить слушателя (читателя) необычной формой и завладеть его вниманием – для дальнейшего изложения. Не сомневаюсь, *Аврахам* имел опыт и талант общения с аудиторией.

Обнаружив, что строки с теми же рифмами, что в письме, трижды были использованы в литургических стихотворениях Элизера Калира (Эрец-Исраэль, VI–VII в. н.э.), Голб определил: «Автор письма был знаком с... поэзией Калира» [Голб, Прицак, 2003, с. 24]. Хорошее знакомство *Аврахама ha-парнаса* с раввинистической литературой обнаруживается в нескольких местах текста.

Когда *Аврахам* переходит к «деловой части» письма (строки 7–17), он сух и немногословен, но очень точен. И только в заключительных строках (17–24) возвращается к высокому стилю и эмоционально окрашенной лексике. Хороший стилист!

Принимая догадку К. Цукермана, что автор Киевского письма в качестве адресата имел в виду очень богатые общины на Рейне, легко можно понять фразу в строках 6–7 письма «Да будет воля Владыки мира дать им возможность жить, как корона мира» [Голб, Прицак, 2003, с. 24, 30], которая для Голба осталась темной: «Точный смысл сравнения неуловим» [Голб, Прицак, 2003, с. 25].

Похоже, *Аврахам ha-парнас* сам был родом из какого-то германского города (использовал термин *закук*, в других общинах не известный, да и писал «невосточным» почерком), хорошо знал жизненный уклад тамошних евреев и – позволю себе предположить – не без лукавства составил письмо так, чтобы на Рейне истолковали: долг *Якова* составляет громадную сумму – 30 кг серебра (на самом деле в шесть с половиной раз меньше), это могло побудить читателей к большей щедрости. При этом лжи в письме нет, сумма долга точно обозначена в местных единицах, иностранцам не знакомых.

Не вызывает сомнения, этот человек был духовным лидером маленькой общины и одним из двух ее руководителей (наряду с *Ицхаком*). Из текста письма явствует, что ранее *парнасом* киевской общины был и пострадавший *Яков* (возможно, и не названный по имени его брат, убитый разбойниками). *Аврахаму* очень хотелось восполнить истощившуюся после выкупа *Якова* из заключения общинную кассу. К сожалению, это не удалось.

Находка Киевского письма в материалах из Каирской генизы скорее всего означает, что жизненный путь *Якова* завершился в Фустате, и Киева он больше не увидел. Абсолютно невероятно

оптимистическое предположение Голба, что «собранные [Яковом] деньги все же были посланы еврейскими общинами по его маршруту авторам письма в Киеве» [Голб, Прицак, 2003, с. 23]. Путешествие Якова из Киева в Египет было уникальным, его никто в обратную сторону не мог проделать и не проделал. Небогатой общине пришлось отдавать заимодавцам-иноверцам злосчастные 40 золотых *солидов*.

(Достойно сожаления, что зафиксированное памятником трагическое путешествие Якова бен рабби Ханука не заинтересовало до сих пор никого из писателей или киносценаристов...)

Завершая обзор, рискну предложить уже третий вариант прочтения 26-й строки Киевского письма: **Гостята бен рабби Кый Баркаһан – גוסטא בן רבי קיי ברקאן**. В таком прочтении слово после имени Гостята является принятой аббревиатурой «бен рабби» («сын почтенного»), а Баркаһан – прозвище Кыя, отца Гостяты. Прозвище обозначает человека, являющегося потомком коһенов и с отцовской, и с материнской стороны. Такое прозвище (ставшее фамилией Баркан) известно с XVI в. [Берлин, 1915], но можно предположить его давние корни.

Несмотря на открытия последних лет, памятник все еще остается не до конца понятным. Киевское письмо ждет новых подходов и новых исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берлин И. Сказание об Иоанне Грозном и о разгроме еврейской общины в Полоцке // Еврейская старина. Санкт-Петербург, 1915 // <https://lechaim.ru/ARHIV/153/dostup.htm>
- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Москва–Иерусалим, 1997.
- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Изд. 2-е, испр. и доп. Иерусалим–Москва, 2003.
- Голден П. Достижения и перспективы хазарских исследований // *Jews and Slavs* 16. Khazars. Иерусалим–Москва, 2005.
- Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2, вып. 3. СПб., 1843; Т. 5. СПб., 1851.
- Кашовская Н. В. К итогам изучения караимского некрополя в ущелье Табана-Дере // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 22. Симферополь, 2017.

- Кулик А. Евреи Древней Руси: источники и историческая реконструкция // *Ruthenica*. Vol. VII. 2008.
- Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. Москва, 1994.
- Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии (Опыт палеографического анализа). М., 1990.
- Михеев В. К., Тортика А. А. Евреи и иудаизм в Хазарском каганате: К вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории // *Jews and Slavs* 16. Khazars. Иерусалим–Москва, 2005.
- Мудрак О. А. Заметки по иноязычной лексике хазарско-еврейских документов // *Хазарский альманах*. Т. 14. М., 2016.
- Мудрак О. А. Основной корпус восточноевропейской руники // *Хазарский альманах*. Т. 15. М., 2017.
- Напольских В. В. К чтению так называемой «хазарской надписи» в Киевском письме // Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Изд. 2-е, испр. и доп. Иерусалим–Москва, 2003.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Орел В. О славянских именах в еврейско-хазарском письме из Киева // *Palaeoslavica*. 1997. Vol. 5.
- Петрухин В. Я. Послесловие. Комментарии // Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Изд. 2-е, испр. и доп. Иерусалим–Москва, 2003.
- Пузанов В. В. «Киевское письмо» как источник эпохи становления древнерусской государственности // *Российская государственность: История и современность*. Санкт-Петербург, 2003.
- Пузанов В. В. «Киевское письмо» как источник по социальной и правовой истории Древней Руси // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2006. № 2.
- Рашковский Б. Е. Вновь о лексике еврейско-хазарских документов. Маргиналии на полях статьи О. А. Мудрака «Заметки по иноязычной лексике хазарско-еврейских документов» // *Хазарский альманах*. Т. 14. М., 2016.
- Толочко А. П. [Рец. на:] Голб Н., Прицак О. Хазарские еврейские документы X в. // *Вопросы истории*. 1987. № 12.
- Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.
- Толочко П. П. Миф о хазаро-иудейском основании Киева // *Российская археология*. 2001. № 2.
- Толочко П. П. К вопросу о хазаро-иудейском основании Киева // *Хазарский альманах*. Т. 2. Киев–Харьков–Москва, 2004.

- Топоров В. Н.* Спор или дружба? // *Aequinox*. Сборник памяти о. Александра Меня. М., 1991.
- Топоров В. Н.* Еврейский элемент в Киевской Руси // *Славяне и их соседи*. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: Средние века – начало Нового времени. М., 1993.
- Торпусман А. Н.* Антропонимия и межэтнические контакты народов Восточной Европы в средние века. I. Имя Гостяты в еврейской рукописи из Киева первой половины X века // *Имя – этнос – история*. М., 1989.
- Торпусман А.* Еврейские имена в Киевском письме (X век): культурно-исторический аспект // *Jews and Slavs 19. Jews, Ukrainians and Russians. Essays on Intercultural Relations*. Иерусалим–Киев, 2008.
- Тортика А. А.* «Киевское письмо» хазарских евреев: К проблеме критики содержания источника // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. 9. Симферополь, 2002.
- Тортика А. А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X века). Харьков, 2006.
- Федорчук А.* Находки и загадки Авраама Фирковича // *Восточная коллекция*. 2006. № 2(25).
- Шапира Д.* Евреи в раннее Средневековье в соседних с Россией странах // *История еврейского народа в России*. Т. 1: А. Кулик (ред.) От древности до раннего Нового времени. Иерусалим–Москва, 2010.
- Эрдаль М.* Хазарский язык // *Jews and Slavs 16. Khazars*. Иерусалим–Москва, 2005.
- Якерсон С.* Несколько палеографических ремарок к датировке «Киевского письма» // *Jews and Slavs 24. The Knaanites: Jews in the Medieval Slavic World*. Иерусалим–Москва, 2014.
- Beider A.* *Origins of Yiddish dialects*. Oxford, 2015.
- Chlenov M. A.* *Knaanim – the Medieval Jewry of the Slavonic World* // *Jews and Slavs 24. The Knaanites: Jews in the Medieval Slavic World*. Иерусалим–Москва, 2014.
- Erdal M.* *The Khazar Language* // *Handbook of Oriental Studies*. Section Eight. Central Asia / Ed. by D. Sinor, N. Di Cosmo. Vol. 17. Leiden–Boston, 2007.
- Golb N., Pritsak O.* *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*. Itaca and London, 1982.
- Golden P. B.* *A New Discovery: Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century* // *Harvard Ukrainian Studies*, VIII. № 3–4, 1984. P. 474–486.
- Golden P. B.* *Khazar Studies: Achievements and Perspectives* // *Handbook of Oriental Studies*. Section Eight. Central Asia / Ed. by D. Sinor, N. Di Cosmo. Vol. 17. Leiden–Boston, 2007.

- Marmorstein A.* Nouveaux renseignements sur Tobiya ben Eliezer // Revue des Études juives. T. 73. Paris, 1921.
- Schwarzfuchs S.* Review of Golb, Pritsak (as above) // Revue de l'histoire des religions 201. 1984.
- Torpusman A.* Slavic names in a Kiev manuscript from the first half of the 10th century // These Are the Names: Studies in Jewish Onomastics. Vol. 2. Ramat-Gan, 1999.
- Zuckerman C.* On the Kievan Letter from the Genizah of Cairo // Ruthenica. Vol. 10. 2011.

A. Torpusman

**Around the Kievan Letter: To the 35th Anniversary
of the Publication of the Document. Polemic Notes**

Summary

The author of the review article defends the opinion of N. Golb and O. Pritsak about the authenticity of the Kievan letter, and objects to the skeptics who regard it as a certified copy of a lost original. In his opinion, the Letter was written most likely in 960-962 in the Kievan Jewish community and was addressed to the communities of the Carolingian empire, but due to the fact that the trade routes were closed, it got to Egypt. The author proposes a new interpretation of the runic postscript in the Letter.

Keywords: Kievan Letter, Jewish community, Kiev, Kyiv, Egypt, Cairo Geniza, Cairo Genizah.